

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Э. С. Маркарян. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973, 144 стр.

Э. С. Маркарян — автор ряда оригинальных работ в области системного анализа общества, культуры, человеческой деятельности. В них решаются в тесной связи философские проблемы с методологическими вопросами специальных наук, в частности этнографии. Особенно удачно эта связь проявилась в рецензируемой книге.

Насущная задача всех наук, включая и исторический материализм, — разработка основных понятий и их строгое определение. Заслугой автора книги является стремление решить данную задачу по отношению к еще недостаточно философски определенным понятиям «человеческая деятельность» и «культура», дать им целостную, системную характеристику как в общетеоретическом, так и в генетическом плане. Поставленной задаче соответствует и структура книги, состоящей из двух различных по своему характеру, но тесно связанных между собой глав — общетеоретической, в которой дается системный анализ указанных понятий в их взаимосвязи, и собственно генетической.

Первая глава начинается с обстоятельного анализа понятия «человеческая деятельность». Э. С. Маркарян сопоставляет человеческую деятельность с деятельностью биологических систем и вырабатывает общее понятие «деятельность», определяя ее как *«информационно направленную активность живых систем, возникающую на основе их отношения к окружающей среде с целью самоподдержания»* (стр. 13). Соотношение этого понятия с животной и человеческой деятельностью как низшей и высшей формами ее проявления дает Э. С. Маркаryanу возможность показать неправомочность как распространения данного понятия на неорганические процессы, так и сужения его только до человеческой деятельности. Такой подход позволяет раскрыть специфику человеческой деятельности, которая заключается прежде всего в своеобразии механизмов стимуляции, программирования, исполнения и обеспечения человеческой активности, носящих внебиологический характер. Эти механизмы, по мнению Э. С. Маркаряна, интегрированно выражает понятие «культура». Одновременно автор убедительно показывает неоправданность попыток противопоставить человеческую деятельность, как чисто производственную и потому будто бы неадаптивную, деятельности биологической, приспособительной. В книге выдвинуты аргументы, показывающие адаптивную природу и человеческой, производственной деятельности.

В связи с анализом данной проблемы можно рекомендовать Э. С. Маркаryanу развить те моменты этой концептуальной схемы, которые связаны с соотношением понятий «активность», «поведение» и «деятельность».

Во втором разделе первой главы Э. С. Маркарян исследует понятие «культура». Правильно подчеркнув его полифункциональность и, следовательно, неоднозначность его определения в различных познавательных ситуациях, автор развивает далее выдвинутую им в предшествующих трудах концепцию культуры. Рассматривая культуру как космический феномен, Э. С. Маркарян говорит о ней как о форме «борьбы материи за негэнтропию» (стр. 37). Автор выступает против узкого, геоцентрического толкования культуры, а также трактовки «внеземных цивилизаций как неразумных, внебиологических в своей основе и пр.

Суть культуры Э. С. Маркарян усматривает «в способности живых существ, объединенных в устойчивые коллективы, вырабатывать систему потенциально не заданных биологическим типом организации средств и механизмов для адаптации к среде и поддержания общественной жизни» (стр. 37). Подобное, в сущности функциональное, определение культуры, по нашему мнению, правильно раскрывает один из ее аспектов, позволяя глубже понять природу этой стороны человеческой деятельности, ее принципиальное отличие от биологической. Однако такая трактовка культуры представляется нам односторонней; она требует дальнейшей конкретизации. Правильно акцентируя

внимание на том, что вне деятельности все выработанные человечеством средства и механизмы не являются культурой, Э. С. Маркарян, на наш взгляд, не учитывает, что сама человеческая деятельность базируется на этих средствах и механизмах, представляющих собой потенциальную ее основу. Чем она развивается, тем, естественно, разнообразнее и способны действия людей; без нее нет и этих действий.

Сам системный подход, которым плодотворно пользуется автор, настоятельно требует рассмотрения культуры не только в функциональном, но и в предметном плане. Не случайно К. Маркс подчеркивал решающее значение возникновения материальной культуры и прежде всего «искусственной среды», техники для гегезиса и существования общества. Технику он характеризовал не только в функциональном аспекте, но и как самостоятельно существующий результат труда, который представляет собой базу живого труда с его способами действий¹. Нельзя забывать, что именно предметный характер культуры позволяет археологам и этнографам реконструировать виды деятельности давно исчезнувших племен и народностей². Поэтому вряд ли можно считать оправданным отказ автора от его прежнего понимания культуры, в которую он включал «объективированный в различных продуктах результат... деятельности» (стр. 41).

Можно пожелать Э. С. Маркаряну выработать по аналогии с определением деятельности столь же общее и широкое понятие культуры, которое охватило бы как «функциональные эквиваленты» человеческой культуры, существующие уже в животном мире (примеры их приводятся в книге), так и человеческую культуру как ее высший этап развития. Наконец, предстоит еще большая работа по классификации чрезвычайно пестрого состава элементов культуры, в которую Э. С. Маркарян включает такие разнородные явления, как орудия труда и сознание, язык и социальные институты, транспорт и т. д. (стр. 70).

В заключительном разделе первой главы Э. С. Маркарян синтезирует понятия «человеческая деятельность» и «культура» в многомерной модели общества. В обществе он выделяет три основных измерения: субъект деятельности (индивид, группа индивидов) набор главных родов его деятельности, среди которых выделяется главная — производственная, и способ деятельности. Данную многомерную проекцию можно принять как одну из возможных моделей общества, которая, как показывает содержание книги, помогает по-новому поставить давно обсуждаемые проблемы, наметить новые пути их решения. Но эта модель как и другие, заранее сужает угол рассмотрения явления, упрощает его. Это, на наш взгляд, выражается в том, что автор соединяет человека как биологическое существо с культурой. С этим связано стремление представить человеческую деятельность как «сложное соединение, сплав биологических и внебиологических компонентов, особый биокультурный процесс» (стр. 56). Но, во-первых, человеческая деятельность, как и сама культура, представляет собой социальное явление, хотя и содержащее в себе в снятом виде природные процессы (вспомним хотя бы определение труда К. Марксом). И сам автор трактует дальше трудовую деятельность только как социальную (стр. 102—107). Во-вторых, освоение этой деятельности происходит у людей не прямым приобретением новорожденного к способам человеческого поведения, а через сложные процессы воспитания, влияния экономических факторов и т. д. т. е. через превращение его в общественное существо, личность.

Во второй главе Э. С. Маркарян ставит важную теоретическую проблему, свойственную всякому генетическому анализу.— проблему обоснования исходных принципов генетического объяснения явлений.

Применительно к генезису общества первым таким принципом автор оправданно, по нашему мнению, считает рассмотрение данного процесса «под углом зрения адаптивного значения происшедшего перехода от животного состояния к человеческому» (стр. 76), другими словами, в неразрывной связи последнего с исходным явлением. Показав бесплодность попыток ряда ученых объяснить социогенез, полностью игнорируя его приспособительный характер, Э. С. Маркарян обосновывает правильное положение о том, что без понятия адаптации «сам генезис общества и выработка качественно особого типа жизнедеятельности, которое характерно для людей, оказываются совершенно непонятными и лишенными реальных оснований» (стр. 77). Результатом этого специфического адаптивного процесса явилось возникновение особой, универсальной по своему характеру «адаптивно-адаптирующей системы», которая приспособляется к среде посредством «ответно производимой адаптации соответствующих объектов природы к потребностям системы» (стр. 81). Сравнительный анализ биологической и социальной адаптации, осуществленный в книге, позволил автору выявить их специфические черты. Первая характеризуется специализацией и стереотипностью, использованием в основном естественных органов и тем, что она включена в биогенетический круговорот. Вторая же по своей природе универсальна, осуществляется с помощью искусственных средств, бесконечна по своим возможностям. Привлечение внимания специалистов по социогенезу к этой важной проблеме и разработка подходов к ее решению является несомненной заслугой автора.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 189—195.

² С. А. Семенов, Первобытная техника, М.—Л., 1957.

Исходным принципом в исследовании генезиса общества Э. С. Маркаряном является расчленение этого генезиса по трем главным неразрывно связанным между собой аспектам. Он предлагает анализировать процесс возникновения общества по линии становления человека (антропогенез), социальной структуры (социогенез) и культуры (культурогенез). Для обозначения этого сложного процесса автор вводит понятие «системогенез общества».

Данный принцип автор конкретизирует на примере анализа происхождения труда, сознания и речи в их неразрывном единстве при ведущей, определяющей роли первого.

Такой подход к решению проблемы генезиса общества позволил Э. С. Маркаряну убедительно показать несостоятельность попыток объяснения данного процесса равно как идеалистами, считающими, что индикатором возникновения людей служит появление сознания и знаковых систем, так и сторонниками технологического детерминизма, сводящими этот процесс к зарождению орудий труда той или иной формы.

Конкретизацией идеи Ф. Энгельса о роли труда в социогенезе является, на наш взгляд, мысль автора о том, что при исследовании происхождения общества процесс возникновения материально-производственной деятельности надо соотносить «не с сознанием..., а с различными видами духовного производства...» (стр. 95). Такая трактовка позволила показать неправильность постановки известной дискуссионной проблемы о том, что возникло раньше — труд или сознание. В этом случае сопоставляются не различные явления, а сама трудовая деятельность и средство ее осуществления.

Недостатком анализа обоих исходных принципов генетического исследования, по нашему мнению, является то, что Э. С. Маркарян почти не уделил внимания раскрытию процесса генезиса самой производственной деятельности, что ослабляет доказательную силу его правильных положений. Сущность формирования общества, сознания, речи не просто в появлении отдельных орудий труда, которые будто бы разрывают естественные отношения индивидов к среде и друг другу (стр. 100, 101). В экспериментальных условиях антропоиды тоже помещают между собой и другими особями и предметами созданные людьми орудия, всецело оставаясь животными. Суть дела, как мы полагаем, состоит в формировании особого вида деятельности — *систематического* изготовления средств труда и их использования, т. е. в появлении I и II подразделений производства и связанных с ними производственных отношений и общественной материальной потребностей, на базе которых только и могли возникнуть общественная психика и речь. К сожалению, в книге не нашлось места для анализа генезиса экономической структуры общества и ее обратного воздействия на зарождение человеческой деятельности и культуры.

В заключительной части II главы Э. С. Маркарян разбирает некоторые спорные вопросы генезиса общества. Заслуживает внимания критика расширительного толкования человеческого труда авторами концепций «инстинктивного труда» (М. П. Жаков, Б. Ф. Поршнев, П. Ф. Протася) и «рефлекторного труда» (Ю. И. Семенов). Если инстинктивная и рефлекторная деятельности, говорит автор, в главном наследственно запрограммированы (в том числе и обучение родителями детенышей, величина и характер приобретенного животными опыта), то «специфическая человеческая деятельность есть всецело результат многообразной выучки, приобретаемой в процессе социализации личности, ее приобщения к стереотипам культуры, принятым в обществе и в более узких группах, к которым она принадлежит» (стр. 105). Понятие «труд» выражает сущность человеческой деятельности и ни в коем случае не применимо для обозначения какой бы то ни было деятельности животных. Справедливость этого положения становится особенно очевидной при системном подходе. Характер деятельности тех или иных индивидов в принципе определяется той системой, в которую он входит. В связи с этим способ деятельности предлюдей (равно как и современных антропоидов, в том числе и с помощью созданных людьми орудий) даже при систематическом использовании ими естественных орудий оставался в принципе биологическим, так как определялся биологическими потребностями их популяций, стад. И наоборот, деятельность человека будет социальной, производственной, если она является «органом совокупного рабочего». При этом, отмечает К. Маркс, «нет необходимости непосредственно прилагать руки» или использовать орудия труда³. В связи с высказанными выше соображениями трудно согласиться с автором в том, что орудийную деятельность предлюдей можно условно называть трудом. Нет, она безусловно биологична, хотя и содержит в себе предпосылки появления труда.

Э. С. Маркарян в принципе справедливо критикует попытку Ю. И. Семенова объединить указанную деятельность предков с трудом человека в плане понятия «труда вообще». Диалектический метод подсказывает, что именно черты *нижней* стадии развития явления, «снямаясь» высшей, характеризуют его в целом. Как известно, К. Маркс в «Капитале» рассматривал ранее товарное и капиталистическое производство в единстве и трактовал это единство как *товарное* производство вообще, которое проходит в своем развитии низший и высший этапы. И в нашем случае, очевидно, надо обозначать единство деятельности австралопитеков и людей по общему признаку — как орудийную, а не трудовую, ибо, в конечном счете, последняя тоже является орудийной, предметной.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 517.

К недостаткам этой в целом интересной главы можно отнести то, что в ней в определенной мере повторяется содержание предыдущей, а материал ее заключительной части (о локальных и общих исторических типах культуры), хотя и интересен, но сравнительно мало связан с общей темой книги.

В целом, несмотря на некоторые недостатки, в основном объясняемые слабой работанностью проблемы, книга Э. С. Маркаряна представляет собой серьезное научное исследование, отличающееся логичностью и доказательностью. Ознакомление с ней будет полезным для широкого круга специалистов: этнографов, историков, социологов и философов, занимающихся проблемами культуры и генезиса общества.

Д. В. Гурьев

НАРОДЫ СССР

Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск, 1974, 455 стр.

Рецензируемая книга, посвященная Чукотке, представляет собой первый опыт всестороннего освещения истории одного из шести северных национальных округов с древнейших времен до наших дней. Обычно история этих национально-административных подразделений излагается в кратких справках или приложениях к экономическим или географическим очеркам. Чукотка издавна привлекала внимание этнографов, историков, археологов, антропологов и лингвистов как район, через который человек проник в Америку. Исследователей глубоко интересуют также изменения, произошедшие на полуострове после Великой Октябрьской социалистической революции. За советский период Чукотка превратилась из захолустной окраины в один из важнейших золотодобывающих и промыслово-оленьеводческих районов страны. Численность населения увеличилась за последние десятилетия более, чем в три раза, и достигла 100 тыс. человек. Величайшие перемены произошли в быту и культуре коренного населения — чукчей, эскимосов, чуванцев. Однако сводных обобщающих исследований по истории этого огромного района до настоящего времени не было.

Рецензируемая работа, восполняющая этот пробел, подготовлена авторским коллективом Лаборатории археологии, истории и этнографии Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института Дальневосточного научного центра АН СССР. Книга представляет собой оригинальную работу. Авторами широко использованы археологические данные, полученные в последние десятилетия на крайнем Северо-Востоке Сибири, привлечены документы местных архивов.

Монография состоит из двух частей, введения и заключения. В первой части рассматривается история Чукотки от эпохи первобытно-общинных отношений до Великой Октябрьской социалистической революции, во второй — история полуострова в эпоху социалистического и коммунистического строительства. В обширном «Введении» дан подробный обзор истории Чукотки. Большое внимание обращено на слабо исследованные и дискуссионные вопросы.

Особый интерес представляет первый раздел книги «Эпоха первобытной общины». На основе новейших археологических открытий, антропологических и этнографических исследований здесь сделана попытка осветить историю древнейшего населения Чукотки, проследить смену культур от палеолита до пережиточного неолита. Привлекает внимание важный вывод, полученный в ходе изучения археологических памятников, — уровень камнеобрабатывающей техники обитателей Чукотки не уступал «общемировым неолитическим стандартам». Лишь в тот период, когда на юге Сибири население перешло к скотоводству и земледелию, полуостров стал обособляться и отставать в развитии производительных сил и производственных отношений.

В разделе изложена гипотеза о том, что первые обитатели Чукотки, верхнепалеолитические охотники на мамонта, были предками американских индейцев, проникших в Новый Свет по «Беринговому мосту». Вторая волна переселенцев в Америку состояла из протоэскимосов-алеутов охотников, рыболовов, создавших особую последнюю арктическую специализированную культуру. Далее, по мнению авторов этого раздела, протоэскимосов-алеутов сменили протоителымены, ушедшие затем с Чукотки на Камчатку. Однако данные о миграции неолитических племен Чукотки на юг весьма неубедительны.

Это положение, так же как и столь четкая этническая привязка отдельных групп древнейшего населения Чукотки, представляется нам преждевременным. Имеющиеся скудные археологические материалы, думается, скорее свидетельствуют о том, что на Чукотке, Берингоморье, Камчатке в период неолита жили предки не только эскимосов и алеутов, но и коряков, ительменов, чукчей. Есть основания полагать, что высоко специализированная эскимосско-алеутская культура сложилась в Берингоморье в ходе дифференциации культур, а сами этносы образовались в процессе обособления. По-